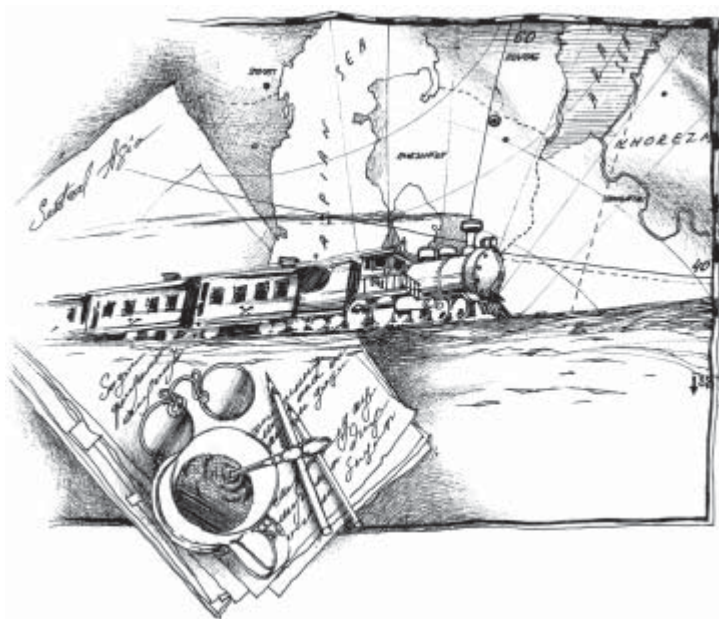

РАФАЭЛЬ ПАМПЕЛЛИ. В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В науке есть проблемы, которые, по-видимому, не поддаются окончательному решению. Были ли на нашей земле инопланетяне? Где находится Атлантида? Откуда пошли арийцы? Последняя тема с середины девятнадцатого века, когда была опубликована первая концепция арийской расы, живо обсуждалась научной общественностью, вызвала археологические, антропологические и лингвистические споры. Одни ученые относили родину арийской расы в Северную Европу, другие — в Северную Азию, а третьи — в Центральную Азию. Но надо отметить, что полемика вокруг арийской проблемы носила в те годы преимущественно научный характер и не имела еще того негативного смысла, который она приобрела впоследствии стараниями расистов всех мастей.

Среди тех, кто увлекся этой проблемой, был и Рафаэль Пампелли, американец с итальянской фамилией. Он прожил долгую и богатую событиями жизнь. Родился Рафаэль Пампелли в городке Овего (штат Нью-Йорк) в 1837 году в семье банкира. После окончания академии на родине продолжал свое образование в Европе — изучал геологию и горное дело во Франции и Германии. Затем начались годы практической деятельности. Пампелли участвовал в геологоразведочных работах на Корсике, работал горным инженером на серебряных шахтах в штате Аризона,

проводил научные исследования в Японии по приглашению ее правительства.

По пути из Японии домой Р. Пампелли решил пересечь Китай, Монголию и русскую Сибирь. Организованная им экспедиция впервые исследовала геологическое строение центральных и северных районов страны, открыла угольные месторождения в Северном Китае, пересекла пустыню Гоби, повторив по сути маршрут истоков Великого шелкового пути с Востока на Запад. В пустынных полудиких краях, по которым проходила экспедиция, каждая геологическая проба представляла собой ценность. А зимнее путешествие по монгольским плато стало

для ее участников суровым испытанием, настоящим экзаменом на выживание.

Сам Рафаэль Пампелли рассказывал: «В течение первых двух или трех дней мы все время были заняты поисками наилучших средств от замерзания до смерти, судьбы, против которой, как я видел, мы не приняли достаточных мер предосторожности. После того, как мы сидели в повозках несколько часов, разница между температурами внутри и снаружи была не более трех или четырех градусов. Хотя повозки были отличной защитой от ветра, шерстяные одеяла и меха становились такими холодными, что больно было дотрагиваться до них голой рукой. До четвертого дня нашего караванного путешествия нам удавалось призывать свое мужество, чтобы противостоять свирепому ветру и лютому морозу».

Пампелли вернулся в Соединенные Штаты после окончания гражданской войны Севера и Юга. Из года в год рос послужной список ученого: он был профессором Гарвардского университета, открыл залежи железной руды в штате Мичиган, занимал должность Государственного геолога, был директором Геологического научного общества штата Миссури, руководил Геологической службой Соединенных Штатов, был членом Национальной Академии наук. Рафаэль Пампелли считался одним из ведущих геологов своей страны.

Одновременно он продолжал обрабатывать собранные во время путешествия через Китай и Монголию научные материалы для публикации. К сбору сведений из литературных и научных источников им

были привлечены трое китайских ученых. Один из старинных фолиантов, принадлежавших перу Конфуция, содержал карты, на которых были изображены реки Китайской империи и древние изменения в направлении их течения. На карте Таримского бассейна, предположительно на севере Кашгара, одна из заметок гласила: «Здесь проживают усуну, народ с рыжими волосами и голубыми глазами». В другой заметке сообщалось о захоронении более сотни городов под песком во время правления одной из династий китайских императоров в начале нашей эры.

Эти находки настолько заинтересовали Рафаэля Пампелли, что уже зрелым, сложившимся геологом, ученым и специалистом, он начал изучать археологию и этнографию, в частности, для решения арийской проблемы, будоражившей в середине XIX века умы европейских и американских ученых. Основываясь на комментариях к книге Конфуция, Р. Пампелли сделал вывод, что прародина арийцев может находиться в Центральной Азии.

«Я достаточно много прочитал об арийской проблеме того времени, — писал ученый, — и знал, что большая часть европейских языков были родственными санскриту и авестийскому языку и что их колыбель качалась в горах Памира или возле них. Таким образом, цвет волос и глаз усунув, казалось, означал принадлежность к арийскому народу — факт, который был, вероятно, уже известен. Но что поразило меня — это относительно быстрое погребение под песком большого количества городов, которые предположительно имели значительную историю существования...

В то же время я был поражен многочисленными озерами и озерцами, которые усеивали равнину между Аральским морем и Сибирью».

Р. Пампелли предположил, что в доисторические времена в результате Ледникового периода обширные равнины Центральной Азии были покрыты льдом. Затем благодаря таянию ледников образовалось большое бессточное внутреннее море, создавшее условия для заселения на его берегах и возникновения древнейших цивилизаций. Позднее прогрессирующее высыхание этого моря и наступление песков превратили некогда благодатный край в пустыню. «Я смутно ассоциировал это и погребенные города с арийской проблемой, — отмечал Р. Пампелли. — Большое внутреннее море, возможно, думал я, создало благоприятный климат для обширного населения».

Однако эти взгляды требовали проверки, подтверждения, в частности, путем поиска береговых линий, которые образует всякое настоящее море, а также следов ранней арийской цивилизации. С присущим ему энтузиазмом, ученый начал поиски средств для организации экспедиции в Центральную Азию. Лишь в 1903 году институт Карнеги предоставил Р. Пампелли грант с условием, что он сам будет руководить поисками прародины арийцев.

Экспедиция состояла из Рафаэля Пампелли, его сына — Рафаэля Велеса Пампелли, профессора М. Дейвиса и ассистента Э. Хангтингтона. Путешествие началось в Баку. Город, известный в древности своими священными огнями, сейчас был знаменит лесом вышек, качающих нефть.

Переправлялись через Каспий ночью. «Я находился на палубе перед рассветом, — с чувством вспоминал ученый. — Вскоре над Азией зависли меняющиеся краски рассвета, и сквозь этот таинственный покров я мельком увидел врата в древний мир. Там находилась цель героев. По ту сторону была колыбель народов, богов и мифов».

Экспедиция пользовалась покровительством российских властей. Генерал-губернатор края Иванов обязал всех должностных лиц помогать путешественникам. Министр путей сообщения князь Хилков распорядился выделить членам экспедиции персональный вагон.

Начиная с Красноводска, откуда выходила Закаспийская железная дорога, путешественники двигались в основном по рельсам, распорядившись вагоном по своему усмотрению. А для поездок, которые отклонялись от железнодорожного маршрута, использовали лошадей из военных пунктов, находящихся вдоль пути.

Триста километров пути до Ашхабада исследователи двигались по пустынным равнинам и вдоль низких голых возвышенностей. Верхом на хороших лошадях они совершали поездки, интересные с геологической точки зрения. По пути им встречались береговые линии на десятки метров выше уровня Каспия. По мере движения на восток на равнине начали появляться невысокие насыпи — курганы, могильники кочевых правителей и знати.

Участники экспедиции тогда впервые посетили руины городища Анау, находящегося в нескольких километрах на восток от Ашхабада. Около него

располагались два больших кургана, причем один из них двадцать лет назад был разрыт почти до основания русским генералом, который надеялся найти в нем сокровища. Курган состоял из нескольких культурных слоев с большим количеством фрагментов керамики ручной работы.

По пути исследователи сделали остановку в Байрам-Али, возле которого расположились руины старого Мерва, древнего города, разрушенного монголами. Здесь они осмотрели архитектурный памятник — мавзолей султана Санджара, величественное здание из жженого кирпича, с центральным куполом и богатым декоративным убранством.

В Ташкенте экспедиция разделилась. Члены экспедиции М. Дейвис и Э. Хангтингтон отправились в Кашгар и на озеро Иссык-Куль, а Р. Пампелли с сыном — через города Маргилан, Андижан и Ош на Памир. Путешественники с сожалением простились с гостеприимной долиной Сырдарьи, когда-то так густо населенной, что, говорят, кошка могла пройти сотню километров, переходя с крыши на крышу.

Железная дорога закончилась у города Андижана — бывшей столицы Ферганской долины в средневековье. Город очень сильно пострадал от землетрясения 1902 года, всего за несколько месяцев до прибытия экспедиции. Здесь путешественники оставили вагон и продолжили путь на лошадях.

«Наш маршрут привел нас в селение Гульча и в долину Талдыкдарьи к перевалу, — писал Рафаэль Пампелли. — Был конец июня, и киргизы переселялись к богатым пастбищам высокогорной долины Алай.

Долина открыта с июля по сентябрь, а после этого покрыта глубоким снегом.

Киргизы приходили из многих краев Ферганской долины. И различные родовые общины, казалось, соревновались в проявлении своего достатка. Мужчины ехали верхом впереди, ведя свои стада скота, лошадей и овец. Их семьи следовали за ними. Женщины были одеты в яркий бухарский шелк, головные накладки и жакеты, сверкающие монетами. Их лбы были спрятаны под подвесками из чеканного серебра.

Все верблюды, связанные в одну колонну веревками, следовали за женщинами, которые верхом на лошадях двигались впереди, держа направляющую веревку. Дочери свободно ехали верхом на прекрасных мулах. Это была величественная процессия пышно одетых женщин, грациозно скачущих лошадей, запряженных в шелковые поводья и богато вытканые попоны. Драгоценные ковры покрывали длинную вереницу торжественно шагающих верблюдов. И все начиная от одежды, попон, прекрасных ковров из яркой шерсти до каркаса куполообразных кибиток, которые везли верблюды, и покрывающего их войлока, было сделано руками этих женщин».

Перевал Талдык привел путешественников в красивую Алайскую долину на высоте более трех километров над уровнем моря. Это был самый глубокий участок между великими горными цепями Азии. А на другой его стороне за покрытыми травой склонами возвышались отвесные горы Трансалая.

Здесь киргизский старейшина пригласил путешественников на праздник, во время которого состоялась

волнующая конная игра байга. Около полусотни всадников боролись за приз, вручить который должен был гость — Р. Пампелли. У его ног лежала туша недавно убитой козы. Тот из джигитов, кто бросит шкуру животного возле гостя, будет признан победителем. «Не успел я подумать об опасности, — вспоминал ученый, — как пятьдесят буйных голов проскакали мимо меня и помчались по равнине. Один из всадников успел схватить козу. Теперь в сумасшедшей схватке надо было удержать тушу и снять с нее шкуру. Со всех сторон вокруг удальца толкались всадники, стараясь вырвать у него наполовину освежеванную тушу. Все они размахивали своими камчами и пускали кровь из борющихся лошадей и джигитов.

Дважды в этой неистойой толпе падали лошади и всадники, дважды они все разворачивались по кругу, пока наконец шкура не была снята и победитель не бросил ее к моим ногам. Лица и руки всех участников байги были запачканы кровью, у всех были раны от ножей для снятия шкур. Но все это было частью игры и ее участники по-видимому были довольны. А победитель получил заслуженный приз — шелковый жакет».

На следующее утро исследователи составили караван из яков — выносливых длинношерстных быков Тибета, чтобы перевезти экспедиционный груз на Памир. В этот день переход через перевалы и горные речки привел их на «Крышу мира» и завершился у озера Каракуль.

Весь этот район является бесплодной пустыней. Вся влага, принесенная извне, превращается в лед на окружающих плато вершинах. Под влиянием колебаний

температуры горы разрушаются. «Нигде нет более безжизненной земли, — рассказывал Рафаэль Веллес Пампелли. — Это пустыня неожиданных форм, разрушенных временем гор и обветренных скал, валунов с необычными полостями, отполированных песком камней, соленых степей и дрейфующих дюн, с лежащими тут и там останкам старых скелетов с растрескавшимися под воздействием солнца рогами».

«Это было изумительное ощущение — стоять в середине абсолютного уединения и глядеть вдаль на гигантов земли — покрытые льдом гребни и вершины, которые со всех сторон охраняют подходы к «Крыше мира», — в свою очередь делился впечатлениями Пампелли-старший. — Ночью здесь была поистине вечная тишина, среди мертвой природы и разрушающихся гигантов, и под светящимися небесами — всех частей гармоничного целого — человек стоял, как мельчайшая частица, потерянная в благоговеющей беспредельности времени и пространства.

Что касается арийской проблемы, то эта пустыня является скорее могилой, чем колыбелью; но высокогорные долины на краю Памира населены народами, говорящими на арийских языках. Кажется, они являются остатками различных племен, которые отступая перед несметными ордами, нашли свое убежище в этих горных крепостях».

Поездка на Памир дала важные геологические сведения. В частности было установлено, что существовало по меньшей мере три продолжительные стадии Ледникового периода с межледниковыми интервалами. Они оставили свои величественные следы в больших

ледниковых впадинах, находящихся на дне более крупных и старых впадин, в более поздних и относительно более свежих моренах.

Возвращаясь с Памира через Ферганскую долину, ученый заинтересовался руинами древнего города Аксикента близ Коканда и провел здесь археологические исследования. До XIII века город был столицей Ферганы и, наравне с Самаркандом и Бухарой, крупным торговым центром на Великом шелковом пути.

После кратковременного отдыха в Самарканде путешественники добрались до Бухары. Эмир — правитель города был в отъезде, но благодаря стараниям барона Черкезова — представителя российского императора в Бухаре, ученого приняли с гражданскими и военными почестями. В качестве гидов Пампелли сопровождали два чиновника из свиты эмира, обладавшие изящными манерами и одетые в роскошные шелковые халаты с широкими поясами из серебра, инкрустированного бирюзой.

В течение нескольких дней они вместе совершили поездку к развалинам старинного города Пайкента, который в первых веках до нашей эры был одним из важных пунктов на Великом шелковом пути. Конец благосостоянию города положили барханные пески, засыпавшие караванные дороги, ведущие на восток в Китай и на запад в Европу. После понижения уровня воды в реке Зеравшан город был обречен на гибель.

Сведения, собранные во время этого путешествия доказывали, что в Центральной Азии существуют места, которые можно исследовать в поисках древних цивилизаций.

Основной задачей следующей экспедиции стали раскопки большого холма в Анау возле Ашхабада, открытого учеными в предыдущем путешествии. На этот раз в состав исследователей был включен археолог Г. Шмидт, специалист по доисторической керамике. Раскопки велись под наблюдением профессора Петербургского университета известного востоковеда В. Бартольда и с разрешения Министерства императорского двора с условием, что все найденные археологические ценности должны оставаться в пределах Российской империи.

В середине марта 1904 года путешественники оставили свой вагон на запасном пути в пределах видимости холма и расположились лагерем. Он состоял из туркменских юрт — куполообразных жилищ, сделанных из войлока, натянутого на разборный каркас из легких палок.

Члены экспедиции работали в Анау с неослабевающим интересом. Во время раскопок исследователи находили как крупные предметы, такие, как очаги, сосуды, захоронения, так и более мелкие — обломки глиняной посуды, фрагменты костей животных. Было просеяно огромное количество земли, чтобы сохранить даже самые незначительные предметы — бусы, терракотовые статуэтки, кремневые орудия и бронзовые изделия, украшения из меди и лазурита. В общем, это были простые предметы, ценность которых заключалась в том, что они представляли отдаленное прошлое в нетронутых слоях, далеко отстоящих от участков классической цивилизации. Ученые нашли остатки древних жилищ и вскрыли несколько

захоронений. Было установлено, что люди, жившие здесь, были огнепоклонниками.

Самые древние слои северного кургана Анау относились к VI–V тысячелетиям до нашей эры. Очень важные открытия были сделаны при исследовании археологических слоев Анау IV–III тысячелетий до нашей эры: в глиняных черепках содержались остатки хлебных злаков — белой пшеницы «ак бугдай» и двухрядного ячменя. Это позволило заключить, что Центральная Азия была одним из первых регионов на земле, где человек стал использовать окультуренные сорта зерновых.

Обнаруженные кости домашних животных — лошадей, овец, длиннорогих быков, верблюдов-бактрианов свидетельствовали о человеческом триумфе над природой. Р. Пампелли писал: «Переход человека от уровня варварства до цивилизации показывает нам начальную точку одомашнивания животных и начала контроля человеком лошади, который позволил ему эволюционировать мир». Название «культура Анау», которое Рафаэль Пампелли дал своему открытию, навсегда вошло в научную терминологию.

Неоценимую помощь в работе ученого оказывала его жена, участвовавшая в экспедиции. Эта «very brave woman», как Элизу Пампелли характеризовали современники, верхом на лошади оказывалась в нужную минуту в нужном месте. Сын, Рафаэль Велес Пампелли, неизменный спутник отца в путешествиях в Центральную Азию, оказался хорошим топографом и чертежником, прекрасно владевшим астрольбией. Он подготавливал чертежи с места раскопок, составлял

разрезы и схемы культурных слоев, графики глубины шурфов.

Однако так удачно начатая работа была внезапно прервана стихийным бедствием — нашествием саранчи. Р. Пампелли пишет о ней с ужасом и отвращением. Ничего подобного он раньше не видел — саранчуки заползали даже за воротник. Когда в раскопы их стало набиваться больше, чем можно было удалить, работу пришлось прекратить. В противном случае люди вынуждены были бы ходить по колено в шевелящейся массе насекомых.

В конце мая, на обратном пути, экспедиция достигла города Байрам-Али, в окрестностях которого находятся руины древнего Мерва. Утверждения в восточной литературе, что Мерв является «Матерью городов», побуждала вести здесь раскопки. Путешественники выбрали развалины Гяур-Калы, глинобитной крепости, разрушенной, вероятно, еще до нашествия арабов. Сама крепость состояла из большей и меньшей частей, разделенных высокой стеной. В свою очередь, обе части были окружены стенами, попорченными временем. Внутри меньшей части возвышалась массивная башня, с высоты которой были видны холмы, оставшиеся от древних поселений.

Однако как только участники экспедиции начали раскопки, среди них, а также местных рабочих, началась кишечная болезнь, которая убила одного туркмена и положила конец усилиям ученых. Впрочем, исследователи успели уточнить, что возникновение города относится к первым векам нашей эры.

«Оазис Мерва, — писал Рафаэль Пампелли, — находится далеко в пустыне. Покинув его, мы вступили в район песчаных дюн, вдоль железной дороги были установлены конструкции из щитов, чтобы оттаивать летящий песок. Утром мы добрались до моста через широкую реку Амударью. Город Чарджоу на восточном конце моста является садовым участком на территории большого берегового оазиса. Город известен своим великолепием и разнообразием дынь. Самые лучшие сорта привозят на рынок, и каждая дыня помещена в плотно облегающую плетенку».

Из Чарджоу путешественники направились в Бухару, где они сделали остановку, чтобы осмотреть один из самых красивых азиатских городов.

Вот каким они увидели город сто лет назад: «Мы много слышали о минарете Калян — башне, с величественной высоты которой сбрасывали преступников, приговоренных к смерти. Облицованный разноцветной плиткой и возвышающийся высоко над городом, он является символом былого величия. Мы видели неподалеку зиндан — пещероподобную дыру, в которой стояли пленники, протягивая руки, а мы подавали им табак и деньги на чай.

Огромный базар по своему характеру является самым восточным из всех существующих. Его узкие улочки укрыты от солнца крышами из решетчатых конструкций. Каждый вид товаров продается в специальном квартале.

Бухара знаменита своим свойственным только ей искусством. Ее шелка, исключительно красивые по

цвету и текстуре, ковры с изумительными узорами, вышитые золотом изделия и драгоценности характерны исключительно для Бухары. Мы купили на базаре много вещей и все-таки сожалели позже, что не приобрели больше».

На второй день пребывания в городе путешественники познакомились с афганским послом при дворе бухарского эмира. С новым знакомым они провели немало приятных часов, сидя в чайхане, куря сигары и торгуясь с продавцами рубинов и лазуритов. «Время, проведенное за обедом в маленьком ресторане, — писал позже Р. Пампелли, — показалось нам утерянной возможностью, и мы поспешили в лавку, в которой какой-то злой дух удержал нас от покупки древних античных предметов и старинных персидских керамических изделий, форма, композиция и цвет орнамента которых до сих пор не дают покоя моей памяти. В той же лавке доктор Шмидт купил серебряную чашу римского периода, подобные которой известны в мире только две».

Ученый и его спутники побывали на домашнем приеме у одного из бухарских сановников, а вечером путешественники пришли на берег Лаби-Хауза, гордости Бухары, большого пруда, снабжавшего город питьевой водой. Величественные старые деревья, окружавшие его, нависали над ступенями, спускавшимися с берегов прямо в воду.

«Широкая прогулочная дорожка, — вспоминал Рафаэль Пампелли, — с одной стороны отделяет водоем от мечетей, с другой стороны от ресторанов и парикмахерских. На плоской крыше чайного заведения

мы, европейцы, сидели на подушках и к развлечению местных жителей маленькими глотками пили зеленый чай.

Водоем Лаби-Хауз был, несомненно, общим местом сбора горожан, богатых и бедных. Мы с интересом смотрели на картину празднующейся публики. Некоторые местные жители были в великолепных шелках, другие в лохмотьях, многие сидели на ступенях, в то время как водоноши наполняли свои сосуды».

Далее путь экспедиции лежал в Самарканд. «Самарканд, древняя Мараканда, — делился своими знаниями ученый, — с глубокой древности был великим городом — великим по протяженности, населению и достатку. В настоящее время это город с широкими аллеями, затененными величавыми тополями. Их огромные стволы гладкие и зеленые с самого основания. Эти деревья, как и сады, обязаны своим буйным ростом постоянному орошению из реки Зеравшан.

Старый город состоит из пыльных улочек и глинобитных домов. От прежнего величия остались лишь изумительные мечети и гробницы времен Тамерлана. Но они стоят того, чтобы проделать долгое путешествие с Запада, тем более, что и они обречены своим нахождением в зоне землетрясений.

Три медресе окружают рыночную площадь, или Регистан. На их великолепных фасадах — порталы высотой восемьдесят и более футов. Создавая эти великолепные фасады из покрытых эмалями плиток, художники щедро использовали все источники своего искусства, чтобы создать необыкновенную красоту красок и композиций. Там также есть разрушенная

мечеть любимой жены Тамерлана Биби-ханым. Фрагменты плиток мечети демонстрируют по красоте высшее достижение в этом искусстве. Помимо этого там есть ряд гробниц святых все еще в безупречном состоянии. В их украшениях нет повторений. Как правило, основа и рисунок наносились на плитку, которая затем проходила обжиг».

В окрестностях Самарканда путешественники осмотрели древнее городище, раскопки которого, как и их находки, были еще впереди. «К старому городу, — писал Р. Пампелли, — прилегает большая возвышенность, состоящая из культурных слоев. Предполагается, что это место города Александра Великого, и на самых его высоких местах, согласно легенде, стоял дворец. Вся поверхность этой возвышенности представляет пересеченную местность. Единственным подтверждением, что на ней когда-то был город, является углубление, которое показывает место водоема. Сейчас оно служит амфитеатром, на арене которого местные жители разыгрывают свою любимую конную игру — байгу».

В Самарканде участники экспедиции разделились. Рафаэль Велес и Хомер Киддер готовились к походу на ледник у истоков Зеравшана и через Памирские горы в Кашгар. Другая часть отряда начала романтическое путешествие в Хиву. Рафаэль Пампелли с женой отбыл в Европу с твердой надеждой в следующем году вернуться в Центральную Азию.

Когда все приготовления к новой экспедиции, которая в 1905 году должна была продолжить так хорошо начатую работу, закончились, до Америки дошла

весть, что в России начались революционные события, а в Туркестане разразилась эпидемия холеры. Поездку пришлось отложить на неопределенное время. Профессор Р. Пампелли продолжал в Европе и Америке изучать доисторические культуры и их связи с Востоком.

Незадолго до своей кончины, последовавшей в 1923 году, Рафаэль Пампелли писал, что мечта сорока лет его жизни «завершилась выходом книг о цивилизациях Анау, их влиянии на окружающую среду и связи с азиатскими и европейскими истоками».

Сын ученого, Р. В. Пампелли, горный инженер, после возвращения в Америку сделался фермером. Но тоже не забыл Азию. И даже назвал свое процветающее ранчо «Самаркандом» — в честь древнего узбекского города на реке Зеравшан.

